

© 2022. В. А. Воропаев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия

«Ей, гряди, Господи Иисусе», или Тайна смерти Гоголя: К 170-летию со дня кончины

Аннотация: Автор статьи обращается к проблеме кончины Н. В. Гоголя, анализирует его последние слова, за которыми ясно слышится известное изречение близкого душе писателя святого апостола Павла. В работе показывается, что праведная христианская кончина Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь и которая строилась в душе его. Разъясняется церковнославянская семантика слова «требование» на полях принадлежавшей Гоголю Библии, предполагается, что слово «требование» употреблено писателем как церковнославянское в значении: «нужда, потребность, необходимость». Приводятся некоторые размышления Гоголя по поводу смерти и ее влияния на окружающих людей, воспитания человека с юных лет таким образом, чтобы он всегда понимал настоящее значение жизни, чтобы смерть не была для него нечаянностью. Показывается, что слова, выбитые на надгробном камне Гоголя, выражают самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, предсмертные дни, праведная кончина, Священное Писание, святоотеческое наследие.

Информация об авторе: Владимир Алексеевич Воропаев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991 г. Москва, Россия

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 09.03.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.04.2022

Дата публикации статьи: 25.06.2022

Для цитирования: Воропаев В. А. «Ей, гряди, Господи Иисусе», или Тайна смерти Гоголя: К 170-летию со дня кончины // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 6–17. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-6-17>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 6–17. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 6–17. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Vladimir A. Voropaev**
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

“Even So, Come, Lord Jesus”, or the Mystery of Gogol’s Death: To the 170th Anniversary of His Death

Abstract: The author of the article addresses the issue of N. V. Gogol’s death, analyzes his last words, behind which one can clearly hear the well-known saying of the saint close to Gogol’s soul Apostle Paul. The work shows that the righteous Christian death of Gogol became the pinnacle of his spiritual path, the last step of the ladder built in his soul which he climbed all his life. The Church Slavonic semantics of the word “requirement” is explained on the margins of Gogol’s Bible, it is assumed that the word “requirement” is used by the writer as Church Slavonic in the meaning: “need, necessity.” Some of Gogol’s thoughts are given about death and its impact on the people around him, educating a person from a young age in such a way that he always understands the real meaning of life, so that death is not an accident for him. It is shown that the words engraved on Gogol’s tombstone express the most important thing in his life and work: the desire to acquire the Holy Spirit and the preparation of the soul for a meeting with the Lord.

Keywords: N. V. Gogol, dying days, righteous death, Holy Scripture, patristic heritage.

Information about the author: Vladimir A. Voropaev, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Received: March 09, 2022

Approved after reviewing: April 17, 2022

Published: June 25, 2022

For citation: Voropaev, V. A. “‘Even So, Come, Lord Jesus’, or the Mystery of Gogol’s Death: To the 170th Anniversary of His Death.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 6–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-6-17>

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Н. В. Гоголя доныне являются предметом размышлений для биографов. Внезапная, без видимых причин смерть писателя потрясла современников, воспринявших ее как завершение трагедии его жизни и творчества. 3 марта 1852 г. И. С. Тургенев писал И. С. Аксакову из Санкт-Петербурга: «...скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя <...>. Эта страшная смерть — историческое событие — понятна не сразу: это тайна, тяжелая, грозная тайна — надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа — и Гоголь погиб! Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть...» [Гоголь в воспоминаниях 3: 822–823].

Задача исследователя — на основании достоверных документальных фактов восстановить картину последних дней жизни Гоголя, дать ответ на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно. В них концентрируются духовные, мировоззренческие, творческие проблемы¹. И, как представляется, разгадка тайны смерти Гоголя не так безотрадна, как думали некоторые его современники.

21 февраля 1852 г., в четверг, около восьми утра, Гоголь преставился ко Господу. Доктор А. Т. Тарасенков, прибывший через два часа после смерти Гоголя, писал об увиденном: «Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему

¹ Подобная работа сегодня в основном уже проделана: события предсмертных дней жизни Гоголя документально восстановлены [Виноградов].

навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб» [Тарасенков 1902: 28].

Накануне, часу в одиннадцатом, Гоголь громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!...». Подобные слова о лестнице сказал перед смертью святитель Тихон Задонский, один из любимых духовных писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

В завещании Гоголь советовал матери и сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви (в родной Васильевке. — В. В.), то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались» [Гоголь 2009–2010. 6: 413].

Праведная христианская кончина Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь и которая строилась в душе его¹. Перед смертью он дважды исповедался и приобщился Святых Таин, а также соборовался. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, в присутствии всех умственных сил своих, с сокрушением полного молитвой сердца, с теплыми слезами» [Гоголь в воспоминаниях 2: 109].

Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!». За этим ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «...желание имый разрешитися и со Христом быти». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии (издания 1820 г.), хранящейся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, против данного стиха — неясная помета: «Требование<?>» [Гоголь 2009–2010. 9: 155].

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем как церковнославянское в значении: «нужда, потребность, необходимость». В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О. А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться»)

¹ Преподобный Исаак Сирин говорил: «Лестница в Небесное Царство находится внутри тебя: она существует таинственно в душе твоей» (Слово 2-е) [Цит. по: <Игнатий (Брянчанинов), свт.>: 217–218].

в качестве образца церковнославяно-русских паронимов. Это слова, близкие по звучанию или морфемному составу, но имеющие разное значение [Седакова: 7]. В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

«Рех Господеви: Господь ми еси Ты, яко благих моих не потребуеши» (Пс. 15: 2). — В русском переводе: *«Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах»*.

«И той глаголаше им: несте ли николиже читали, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним» (Мк. 2: 25). — В русском переводе: *«Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?»*.

«Народи же разумешие, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божию, и требующия исцеления целяше» (Лк. 9: 11). — В русском переводе: *«Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божием и требовавших исцеления исцелял»*. В данном случае синодальный перевод 1876 г., по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В. А. Жуковский: *«Народ же о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божием, и исцелял искавших исцеления»* [Жуковский 2016: 122].

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 г. протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем¹, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту 22 сентября 1848 г. из Санкт-Петербурга: «Сюда приехал Гоголь <...> Он рассказал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из евангелистов или апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором, при сохранении всей силы славянского и целых иногда вы-

¹ На Страстной седмице они вместе говели в Висбадене, в Великую среду готовились к исповеди, в Великий четверг, по всей видимости, общались Святых Таин, читали духовную литературу о причащении и были на службе Двенадцати Евангелий, в Великую пятницу вместе читали акафисты (записи в дневнике В. А. Жуковского за март – май 1845 г.).

ражений подлинника, период выходил бы ясным, звучным...» [Гоголь в воспоминаниях 1: 699]. Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 г. он советовал ему сделать с Библией (имеется в виду Ветхий Завет) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из нее по главе [Гоголь 2009–2010. 15: 307].

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» в значении «нужда, потребность, необходимость». Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страстотерпче, помощи требую» [Гоголь 2009–2010. 9: 294].

Впрочем, это слово и без перевода понятно любому православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущий: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («Требующа Твоя помощи...» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи», «просящего Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше...». По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть¹, и теперь она для них не зло, а *приобретение* (Флп. 1: 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание *разрешиться от тела* посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это *было бы гораздо лучше*, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом *быть* и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов» [Феофан Затворник, свт.: 329–330].

Известный духовный писатель епископ Варнава (Беляев) в книге «Основы искусства святости», обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми.

¹ Ср.: «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, много жития вечнаго начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54–55).

Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит *благодать* и человека осеняет *сила* Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не *ожидает*, а *желает* уже смерти, на всякий час (Флп. 1: 23)» [Варнава (Беляев), еп.: 116].

И далее: «Говоря вообще, “боязнь смерти есть свойство человеческого естества” (слова преподобного Иоанна Лествичника. — В. В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новонаначального и только что начавшего подвизаться он, конечно, терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было» [Варнава (Беляев): 116–117].

Умирал Гоголь в состоянии духовного просветления: без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «Иисусе пресладостный, преподобных радование...» (Акафист Иисусу Сладчайшему)¹. Господь даровал Своему подвижнику вкусить божественную радость и утешение.

Оптинский иеромонах Климент (Зедергольм) говорил, что размышляя о смерти Гоголя, он всегда мысленно повторял слова: «Узрят кончи-

¹ В тетрадах В. А. Жуковского сохранились черновые записи (сделанные, по-видимому, во время говения) из Акафиста Иисусу Сладчайшему: «И<исусе> Х<ристе>, души моей утешение, очищение ума моего. <...> Ангелов удивление, прародителей избавление, пророков исполнение, мучеников крепости, монахов радости, пресвитеров сладости, постников воздержание, преподобных радование, девственных целомудрие, грешников спасение. <...>» [Жуковский 2008: 488–489].

ну праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь» [Гоголь в воспоминаниях 3: 728].

Изречение это, взятое из книги Премудрости Соломона (4: 17), в полном виде выглядит так: «Узрят бо кончину премудрого и не уразумеют, что усоветова о нем и во что утверди его Господь». Оно высечено на надгробии И. В. Киреевского, погребенного в Оптиной Пустыни. Судьбы его и Гоголя во многом схожи.

Незадолго до своей кончины, убеждая князя П. А. Вяземского приняться за написание истории царствования Екатерины Великой, Гоголь высказал мысль о том, что «завещанье после себя потомству» оставить необходимо: «...потомству, которое так же должно быть нам родное и близкое нашему сердцу, как дети близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящим и будущим)...» (из письма от 1 января 1852 г.) [Гоголь 2009–2010. 15: 461]. Таким завещанием Гоголя потомкам (помимо его сочинений) стала его христианская кончина: в ней проявилась во всей непреложности и очевидности духовная связь между настоящим и будущим, поколений связующая нить.

Гоголь много размышлял о впечатлении, которое смерть производит на окружающих, о том, возможно ли с малых лет воспитать ребенка так, чтоб он всегда понимал настоящее значение жизни, чтобы смерть не была для него нечаянностью... (при этом писатель полагал, что такое возможно) [Гоголь в воспоминаниях 2: 891].

Сороковой день по кончине Гоголя пришелся на понедельник Светлой седмицы (Пасха Христова в 1852 г. праздновалась 30 марта). У могилы Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря собрались его друзья и почитатели: С. Т. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, П. В. Киреевский, Н. В. Берг, Т. Н. Грановский, А. Н. Островский, Т. И. Филиппов и другие — всего около пятидесяти человек. После заупокойной обедни была отслужена панихида по усопшему рабу Божию Николаю. «Утешением было в нашем горе, — вспоминал С. П. Шевырев, друг и душеприказчик Гоголя, — слышать воскресный колокол вместе с заупокойным пением. На могиле его, убранной зеленью и цветами среди снега, мы слышали: “Христос Воскресе!”» [Гоголь в воспоминаниях 2: 110].

Кончина Гоголя примирила рассорившихся было С. Т. Аксакова и С. П. Шевырева, Ю. Ф. Самарина и М. П. Погодина. Последний записал 29 марта 1852 г. в своем дневнике: «А ведь действительно в смерти

Гоголя что-то примиряющее и любовное» [Гоголь в воспоминаниях 2: 515].

Уместно вспомнить здесь слова, обращенные к графу А. П. Толстому в статье «Занимающему важное место» (которая была запрещена цензурой и увидела свет только после смерти Гоголя): «Я даже уверен, что когда буду умирать, со мной простятся весело все меня любившие: никто из них не заплачет и будет гораздо светлее духом после моей смерти, чем при жизни моей» [Гоголь 2009–2010. 6: 152–153].

После панихиды предложена была трапеза (согласно завещанию Гоголя¹) шестидесяти бедным и монашествующей братии. На поминальном обеде в покоях настоятеля, архимандрита Пармена, Шевырев прочел «Светлое Воскресенье» — последнее напечатанное при жизни произведение Гоголя. Все были тронуты до слез. «Можете себе представить, — писал М. П. Погодин, — какую силу получило каждое его слово, само по себе сильное, теперь послышавшееся из могилы, запечатленное великой печатью смерти и бессмертия» [Гоголь в воспоминаниях 2: 515]. В этот день впервые столь светло и победно прозвучало духовное слово Гоголя, единодушно и сердечно воспринятое друзьями его.

Во время поминальной трапезы обдумывали, какой памятник поставить Гоголю. «Две надписи встретили всеобщее сочувствие, — вспоминал Шевырев. — Одна относится к нему как к писателю и взята из пророка Иеремии: “Горьким словом моим посмеюся”. Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается сосредоточие всех его мыслей: “Ей, гряди, Господи Иисусе!” Поминки происходили в замечательный день: 30 марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31-го марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31-го марта мы поминали его» [Гоголь в воспоминаниях 2: 110]. Ни Шевырев, ни кто-либо другой из присутствовавших не знали, что это был день смерти отца Гоголя, Василия Афанасьевича, умершего на третий день Светлого Христова Воскресения и завещавшего похоронить себя в родной деревне возле церкви.

¹ В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь просил помолиться покрепче о душе его и вместо всяких погребальных почестей угостить от его имени «простым обедом нескольких не имущих насущного хлеба» [Гоголь 2009–2010. 6: 10].

Предполагаемые надписи на гоголевском памятнике были предложены Шевыревым; во всяком случае, первая из них — из пророка Иеремии (на церковнославянском языке): «*Горьким словом моим посмеюся*» (Иер. 20: 8). Этот стих из Священного Писания, помещенный на надгробной плите из черного мрамора, и ныне наиболее часто цитируемый, по словам писателя Петра Паламарчука, «замечательно отразил союз художественной правды с пророческим служением, в котором сам Гоголь видел смысл своего творчества» [Паламарчук: 389]. Слова «*Ей, гряди, Господи Иисусе*», взятые из Апокалипсиса (Откр. 22: 20), впоследствии были выбиты на надгробном камне Гоголя (так называемой Голгофе) и выражают, без сомнения, самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом.

Список литературы
Источники

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: в 3 т. / изд-е подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.

<*Жуковский В. А.*> Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В. А. Жуковского / редкол.: Ф. З. Канунова (гл. ред.), И. А. Айзикова (подгот. текста и приложений), Д. В. Долгушин (подгот. текста, приложений и коммент.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 566 с.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Издат. дом ЯСК, 2016. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В. А. Жуковского / сост., вступ. ст., примеч. Д. В. Долгушина; подгот. текста Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой, Д. В. Долгушина. 664 с.

<*Игнатий (Брянчанинов), свт.*> Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): в 8 т. М.: Паломник, 2004. Т. 6: Отечник: избранные изречения святых иноков и повести из жизни их / сост. и общ. ред. А. Н. Стрижева. 800 с.

Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.

Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1902. 35 с.

<*Феофан Затворник, свт.*> Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Колоссаем и к Филиппийцам. М.: Московский Сретенский монастырь; Паломник; Правило веры, 1998 / репринтное изд-е: М.: Изд-е Русского Пантелеимонова монастыря, 1892. 464 с.

Исследования

Варнава (Беляев), еп. Основы искусства святости: Опыт изложения православной аскетике: в 4 т. Нижний Новгород: Изд-е Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. Т. 4. 415 с.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Т. 7: 1851–1852. 640 с.

Паламарчук П. Г. «Ключ» к Гоголю // *Паламарчук П. Г.* Козацкие могилы: повести, сказания, художественные исследования. М.: Современник, 1990. С. 336–422.

References

Varnava (Beliaev), ep. *Osnovy iskusstva sviatosti: Opyt izlozheniia pravoslavnoi asketiki: v 4 t.* [*Fundamentals of the Art of Holiness: Attempt of Presenting the Orthodox Asceticism: in 4 vols.*], vol. 4. Nizhnii Novgorod, Izdanie Bratstva vo imia sviatogo kniazia Aleksandra Nevskogo Publ., 1998. 415 p. (In Russ.).

Vinogradov, I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). S rodoslovnoi letopis'iu (1405–1808). Nauchnoe izdanie. V 7 tomakh* [*Chronicle of Life and Work of N. V. Gogol (1809–1852). With a Pedigree Chronicle (1405–1808). Scientific Publication. In 7 vols.*], vol. 7. Moscow, IWL RAS Publ., 2017–2018. (In Russ.)

Palamarchuk, P. G. “‘Kliuch’ k Gogoliu” [“‘The Key’ to Gogol”]. Palamarchuk, P. G. *Kozatskie mogily: povesti, skazaniia, khudozhestvennye issledovaniia.* [*Cossack Graves: Novellas, Tales, Artistic Studies*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 336–422. (In Russ.).